

— Майя Михайловна, ваш образ живой богини не тяготит ли вас временами?

— Это скорее приятно. Но я над этим стараюсь не задумываться. Нет. Мне одно только приятно: люди идут на мои спектакли. С восторгом, со слезами приходят ко мне после за кулисы. И я чувствую, что я нужна. Мне говорят, что я должна быть с ними, должна быть для вас. Иногда даже очень трагически: "Не покидайте сцену, не покидайте нас, потому что у нас ничего больше в жизни нет". Меня это до слез трогает, и я понимаю, что нужна.

— Вы когда-нибудь думали о том, что вас будут так воспринимать?

— Как бы меня ни называли — богиня, — я все-таки живой человек. А все люди — одинаковые, со своими мечтами и ожиданиями.

Но я ничего не планировала. Я даже на завтра не планирую, потому что очень реалистично смотрю на мир. Мы знаем, что мы не знаем, что будет завтра. Точно можно сказать только про то, что было, но это уже не интересно. Поэтому жить нужно сегодняшним днем.

Если планировать подробно и серьезно, мы исключаем вариант случая. А как его можно избежать? А я верю в счастливый случай. Конечно, очень много зависит от человека, очень много, но не все!

— Майя Михайловна, у всех, вероятно, складывается впечатление, что питаетесь вы нектаром и амброзией, а одеваетесь в хитон...

— На самом деле, конечно, не так. Хожу я в высоких теплых ботинках, потому что я очень люблю тепло. Я отношусь к людям, которые называются мерзляки. Наверное, это с детства. Детство прошло на Шпицбергене, в холодах.

Я люблю трикотаж. Трикотажная шерсть — самая лучшая ткань. Уютно, тепло, и в чемодане удобно возить, не мнется. Ткани, которые мнутся, противопоставлены для балерины.

И я никогда не соблюдала диету! Это моя беда. Я всегда мучаюсь, страдаю. И только перед спектаклем я берусь за ум.

На самом деле я гораздо обычнее, чем принято обо мне думать.

— А кто вам впервые сказал, что вы красавица?

— Вы знаете, я этого не поняла до сих пор. Я так не считала. Я не держу себя за красавицу.

И когда мне говорят, какая я красавица, не верю. Вы знаете, может быть, я не уродина. Но думаю, что и не красавица.

— А вы сразу смирились с тем, что вы рыжая?

— Рыжие, конечно, не приветствовались никогда. И я даже знаю деревенских, которые косынкой до бровей закрывали голову, чтобы не было видно рыжих волос. Но, с другой стороны, я знаю огромное количество людей, которые красятся в рыжий цвет хной. Получаются даже красные.

В раннем детстве дразнили — "рыжая-рыжая", — но я как-то не особенно расстраивалась. А в балетной школе уже никто не дразнил.

— Не пересекались ли вы когда-либо с другой известной русской рыжей — Аллой Пугачевой?

— Я с ней почти никогда не говорила. Мы как-то просто поздоровались за кулисами. Но диалога и разговора между нами никогда не было. Я была очень тронута, когда мне дали Героя Соцтруда, а она позвонила и поздравила. Это было 12 лет назад.

У Пугачевой есть песня "Балет" — это немножко связано со мной. Она брала движения из моего маленького балета "Больная Роза" Ролана Пети.

Я знаю, что ее дочь хотела идти в балет, но Головкина ее выгнала из балетной школы. Или не приняла. Здесь я не уверена.

— Среди ваших многочисленных поклонников — и знаменитый модный фотограф Ричард Аведон...

— Да, фотографии Ричарда уже стали классикой. Особенно знаменита эта, с волосами. Почему-то думают, что я в парике. Нет! Это мои собственные волосы, просто их начесали...

Аведон пригласил меня в свою студию, когда мы приезжали в Америку в первый раз, в 59-м году. Тогда в журнале "Вог" была моя фотография в мехах (эти меха мне дали на время съемки, а потом забрали! Вечно все придумывают!). А потом, когда я была в третий раз в Нью-Йорке, в 66-м году, Аведон меня пригласил в свою студию и сделал много-много фотографий. Там были не только портреты, но и сценические снимки. Он сделал Одиллию в черном, он сделал "Ромео и Джульетту".

Я пришла с костюмами. Он стоял с аппаратом, тогда в моду только входили зонты для света, бегали мальчики-помощники. Включена была музыка, он говорил: "Танцуйте!". И я танцевала Лебедя, а он — снимал. Почти как кино. И когда кончалась пленка, тут же в руках у Аведона был аппарат, без секундной паузы.

Это была съемка для журнала "Америка". В то время журнал был большого формата, и там было опубликовано несколько моих снимков. И в рост, и портреты.

Специально принесли из какого-то модного дома костюмы, огромные клипсы. Я снималась в четырех или пяти вариантах. Всего получилось 90 снимков. Но он выбрал именно этот, знаменитый.

— Когда вы бывали у нас в гостях, то подарили моей бабушке духи "Ма Гриф" от Карвен. Это до сих пор ваши любимые духи?

— Я до сих пор люблю "Ма Гриф". Но пользуюсь я "Бандитом" Робера Лиге. Это мне подходит больше. Мне несколько раз хотелось сменить духи — ну что всю жизнь одно и то же? А мне не подходит!

Я думаю, что женщина должна однажды выбрать духи, а потом всю жизнь ими пользоваться. Не всякие духи всем идут. А вот "Бандит" — изумительный запах. Теперь их, правда, уже не делают. Фирма лопнула. То, что осталось во Франции, продали в Америку. Там еще делают. И друзья из Америки мне прислали.

Еще у него была "Виза", тоже изумительный аромат, и "Фрака". Вот "Фрака" у меня еще капелька осталась.

— Как вы их выбрали?

— Мне подарила Эльза Триоле, родная сестра Лили Брик, такой флакон, когда в первый раз приехала в Москву после войны. Мне безумно понравилось. И вот с тех пор я пользуюсь только ими. "Ланвен" были чудные, "Гермес", но мне понравился только "Бандит".

— А до этого вы душились "Красной Москвой"?

— До этого я не душилась вообще! Не до духов было.

“Не надо претензий! Я такая, какая я есть!”

— Женское очарование дается от рождения или приходит с годами?

— Я думаю, что дело в воспитании. Природа человека передается по генам. Природная интеллигентность, обаяние, такт или бестактность. Так же, как глупость и ум, — это генетически дается. Талант, бездарность и так далее.

В какой среде растет ребенок, кто его окружает, — это играет крупнейшую роль.

Правда, плохой характер можно воспитать, но переделывать нельзя.

Но знаете, женщина всегда должна оставаться женщиной. Если она превращается в мужчину, это ужасно непривлекательно... И она мать. И когда она беременная, и когда у нее менструация, то она вообще злая. И это нормально! Как волчица. Она загрызет, если есть щенята. Тут есть о чем

вежливо просить аудиенции?..

— Нет! Никогда! До чего мы дожили — мы не думали, что до этого доживем.

Мной всегда двигала любовь к своему искусству, к своей профессии. Я профессиональная балерина. И когда меня спрашивают: "Чем вы увлекаетесь кроме балета?" Я отвечаю: "Я балетом вообще не увлекаюсь!"

Это моя профессия, я ей занимаюсь всю жизнь, я ее очень люблю и считаю себя счастливой. Потому что я вообще считаю счастливыми тех, кто занимается любимым делом.

— Вы счастливый человек. А свободный?

— Я была несвободной. Свободу я почувствовала, когда вырвалась из клетки и смогла уехать, куда хочешь. Если меня при-

ласть. Так обстоят дела на сегодняшний день, который, в общем, длится уже давно.

Иногда время здорово нами владеет, и мы ничего не можем поделать. Но иногда мы владем временем. Возможности природные играют роль. Бывает всякое. И когда говорят: "Ну, так не бывает!" Бывает! Все бывает! Может быть, что-то, что не бывает никогда, но один раз все-таки случается.

— Вы обидчивы?

— Я очень многое забываю. И бывают случаи, когда я вижу какого-то человека, лицо знакомое, а кто он, что, не помню. В общем, чуть не поцеловались. А потом, ой, вспомнила... И даже у меня было однажды в дневнике, что этот человек мне сделал какую-то гадость и я с ним поссорилась. А если бы записи не было, никогда в жизни этого бы не вспомнила.

— В свое время вся Москва говорила о вашем трудном характере...

— Не надо предъявлять ко мне претензии, если я такая. Я-то ни к кому не имею претензий! Ни к одному человеку в мире!

У меня есть родственники, которые говорят, что я стала известная и потому с ними не общаюсь. Они не говорят главного — они со мной не общались, когда моего отца посадили. А потом, когда я стала знаменитой, они решили быть моими родственниками. Но это дальние родственники.

А близкие... Одни претензии.

Мне трудно с людьми, у которых претензии. Потому что я ни у кого ничего не одалживала. Я никому ничего не должна. И тогда что отдавать, и почему, и за какие заслуги?

— Говорят, что за все в жизни приходится платить...

— В этой фразе есть большая доля правды. Это не всегда справедливо, и не все всегда за все платят. Но в большинстве случаев так. На себя я эту поговорку примеряла. Я в своей жизни за многое плачу. Но подробности вам открывать не хочется, нет настроения в душе копаться...

Я всегда была обязана и танцевать, и играть, и помогать, и давать деньги, будто бы мои родственники — инвалиды на колясках. Если человек сам может зарабатывать — то почему я должна на них работать?

У меня есть двоюродная сестра, я ее обожаю. Она чудесный человек. И ко мне ноль претензий. Это дочка папиной сестры.

Матери, которая не работала, я отдавала все свое жалованье. Это было совсем другое дело.

— А подруги у вас есть?

— Я могу сказать просто, что есть люди, которые мне очень преданны. Совсем, без остатка. Это нужно ценить, понимать и какие-то недостатки прощать.

Абсолютная преданность есть ко мне и со стороны мужчин и со стороны женщин.

У нас в семье 37 лет прожила наша домработница Катя. Она умерла 2 года назад. Она была моей подругой, членом семьи.

Катя приехала из деревни, потому что там гоняли на торф, на корчевание пней, они там, как рабы, жили. Крепостное право — это просто земной рай по сравнению с тем, что пришлось вынести Кате. Ее мать сказала: "Катя, тебе все равно не дадут

ВЕЧНАЯ МАЙЯ

Майя ПЛИСЕЦКАЯ... Выдох. Пауза. Великая. Величайшая... Балетная легенда. Если восторги, то в превосходной степени. Если слава, то без границ пространства и времени. Если цифры, то из Книги рекордов Гиннесса. Феномен. Символ. Казус. Анекдот. Песнопения бесконечны. Хор и статисты меняются. А Плисецкая остается! Для всех и назло всем. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Уже наскучили бравадные восторги и ехидности на тему, сколько длится ее танец. А банальное любопытство сменяет фаустовский интерес.

порассуждать...

— Говорят, сила женщины в ее слабости?

— Нет! Это совершенно не так. Не люблю слабости. Не люблю, когда меня жалуют.

Женщине нужно здорово отличаться от мужчин! Чтоб не было ничего мужского.

— А вы растратчица?

— Да! Мною ничего не накоплено. Все раздарено, потеряно, забыто. Я всегда покупаю. Я люблю этот процесс. Я покупаю постоянно, покупаю много и все подряд. И потом через полчаса забываю, что я купила и зачем мне это надо. Иногда это попадает под руку: "А надо же!"

Люблю процесс покупок, но не процесс накопления!

— Как вас утешают, когда что-то не ладится?

— Утешает меня только Щедрин. Он всегда знает, что сказать и как поступить. Щедрин убежден в том, что я лучше всех.

А такого человека, как он, вообще на свете больше нет.

— Как вы думаете, Щедрин бы стал тем Щедриным, если бы не был вашим мужем?

— Конечно! Но у него была бы музыка другая. У него бы произведения были другие.

— А Плисецкая стала бы Плисецкой, если бы не вышла замуж за Щедрина?

— Думаю, что нет. Потому что если бы не было спектаклей, которые он сделал для меня специально, то я бы кончилась гораздо раньше.

Наше семейное счастье — это счастливый случай. Мы могли бы и не встретиться.

И вот Плисецкая появляется зимой в Москве. Издали она напоминает неземное создание. Длинный черный силуэт, лицо будто в чадре — ботменовские черные очки и надвинутая на лоб шапка-юрта, — появляется из машины с темными стеклами и в сопровождении дюжих охранников исчезает за дверями концертного зала...

Она лучится в свете софитов, источает улыбки и приседает в своем знаменитом реверансе. Толпа страждущих прикоснуться-поговорить-умилиться-пообщаться несется за кулисы. Приходит министр культуры Наталья Дементьева. Две дамы в черном. Маленькая подвижная Плисецкая и высокая дородная Дементьева. Подобающие случаю комплименты, восторги.

— Как бы мне хотелось с вами подольше побеседовать! — восклицает Дементьева.

— Так идите с нами сегодня ужинать в "Максис", там и поговорим, — улыбается хозяйка бала.

— Сегодня, к сожалению, не получится. Вы же знаете, Свиридов... — печально — Дементьева.

— Да-да, я знаю. Но что же вы хотите? 82 года, и на том спасибо, — с удивлением — Плисецкая...

— Майя Михайловна, а вы когда-нибудь думали, что к вам за кулисы будет приходить министр культуры и очень

глашают, я могу поехать. Это, к сожалению, пришло очень поздно. Знаете, годы уже прошли. Была полная радость, если бы открытый выезд случился на 20, ну на 15 лет раньше.

— Но вы все равно не в России.

— Я в России!

— В качестве редкого гостя...

— Гостем я себя чувствую в других странах! У меня российский паспорт. В Литве у нас летний дом, мы его сделали зимним, там мы часто бываем. Снимаем мы квартиру в Мюнхене. Это не наша квартира. Мы ее снимаем! У нас там даже вилки и ложки хозяйские. И по-немецки я не говорю. С соседями не общаюсь. Так что это нельзя считать домом.

Больше всего я нахожусь в воздухе. Все время полеты-перелеты.

Есть изумительная семья в Америке, они живут во Флориде, и мы обожаем гостить у них. Это русские. Челищевы. С очень интересной родословной. Муж — потомок баварских королей. Своим генеалогическим древом они очень гордятся. Жена — прямой потомок Натальи Николаевны Гончаровой. Дядя Челищева работал помощником у Дягилева. Они совершенно изумительные люди, прямо святые.

Мы едем специально, чтобы ничего не делать. Но Щедрин профессиональный рыбак, там, конечно, рыбачит. Там океан, полное счастье. Меня в полном покое не оставили, заставили дать мастер-класс.

— То есть на самом деле вы почти не отдыхаете...

— Я не люблю долгих светских бесед, пустых разговоров. Это меня утомляет. Но по природе я ленивая!

Я всегда любила импровизацию, и я всю жизнь любила танцевать. Но никогда не любила тренироваться и работать! Мне это казалось ужасно скучно. А может быть, это зависело от педагога — не приучили работать, не приучили любить рабочий процесс. Вот в Ленинграде это было, там Ваганова всех приучила любить работу. А вот в моем классе не только я, все такие, мы до десяти года не работали.

Я любила, чтоб сразу все получилось. Якобсон мне говорил: "Ты хочешь, чтоб через пять минут все вышло! А так не бывает". А у меня если что-то трудное не выходило, я делала другое. Я не добивалась. Ничего хорошего в этом нет. Но, с другой стороны, может, я так долго танцую оттого, что не насиловала ноги. Я не замученная.

Замученные спортсмены, замученные балетные, циркачи. Они ведь к сорока годам уже еле ходят. Может быть, в моей лени это единственный плюс.

Но я привыкла заниматься каждый день. Вот недавно у меня была травма ноги, и я пропустила 3 недели. И плохо себя без работы чувствую. Мне не то, чтобы хочется работать, заниматься, у меня просто ухудшается настроение, состояние. Поскольку это продолжается всю жизнь, тело привыкло. Не хочется, а вот сделаешь и лучше!

— Вы родились оптимисткой?

— Я не оптимистка! Я реалистка. И это слово ко мне подходит больше всего. Не конючу и не радуюсь зря.

Я думаю, что так было с детства. Другое дело, что тогда об этом я не задумыва-

жить дома, уезжай в Москву!"

Деревня Катина в 40 километрах под Арзамасом. Десять километров нужно идти пешком — не было дороги. У них даже говор сохранился старинный. Иногда я говорю: "Кать, что так странно в деревне у вас говорят?" А потом я эти странные слова читала у Пушкина. А те слова, которые мы знаем, имеют другое значение. Например, "смугилась". Мы знаем, что человек, который застенчився, покраснел — смугился. А она, например, что считает и говорит: "Ой, я смугилась!" Смуга в голове! Значит перепутала. Другой совсем смысл! А я эти выражения за Катей даже записывала в свой дневник.

— Вы и сейчас его ведете?

— Нет. Уже 5 лет почти ничего не пишу. Творческая жизнь моя закончилась. Хотя... Очень бы хотелось еще что-то попробовать. Например, в кино. Но моя киношная карьера не состоялась.

Я снялась в небольшой роли Бетси в "Анне Карениной". Потом, когда я увидела фильм, поняла, что нужно было сыграть не так. Но я не знала тогда как. Первый съемочный день был скачки. С Юрием Яковлевым мы идем. Я спрашиваю: "Вы знаете текст?" Он отвечает: "Нет!" — "А что мы будем говорить?" — "Да нам сейчас скажут, что говорить!" Потом Зархи сунул какую-то записочку со словами... Все это было так несерьезно.

Я всегда любила мистику. Вы знаете, бывают совершенно мистические встречи. Например, лет 20 назад я познакомилась с удивительным человеком — Владимиром Ивановичем Сафоновым. Я никогда не забуду, как он руками, не дотрагиваясь, провел по моей голове, по телу, потом остановился и говорит: "У вас здесь в ухе не в порядке". А у меня в детстве был прокол уха, и, когда я летаю в самолете, я глохну на это ухо...

Мне нравится Хичкок. Все таинственное меня притягивает.

Мне предложили сыграть "Пиковую даму". Было несколько сценариев. Все скучные. И вдруг интересный. Я подумала, что что-то тут может получиться. Молодость графини, Сен-Жермен — это и есть Германия! Это все так закручено, зашифровано! Говорят же, что, когда Пушкин был мальчиком, ему нагадала цыганка, что он или погибнет в 37 лет, или доживет до 90. Тут масса мистики. Можно сделать потрясающий фильм.

Но режиссер пропал. А потом мне сказали, что он не может найти денег, значит, фильма не будет.

— А характер Пиковой Дамы вам близок?

— Я не ищу тех, кто мне близок. Я ищу тех, кто мне интересен...

Плисецкая выходит провожать меня на лестничную площадку. Окидывает взглядом кучу мусора: "Не дом, а безобразие какое-то! Вечно здесь ремонт и вечно тараканы. Щедрин даже написал такое произведение "Тараканы по Москве", исполняет Спаиваков".

Открываются двери лифта. Плисецкая целует меня. Церемонно прощаясь, я неловко втискиваюсь в кабину. И тут меня защемило дверью. Последнее, что я успеваю увидеть, — Плисецкая подмигивает! Точь-в-точь Пиковая Дамы.

— 9. Беседовала Яна ЖИЛЫЕВА.

Майя Михайловна - 1998 - 17 янв